

троицкого игумена Никона известно, что после росписи Троицкого собора лавры Андрей Рублев вместе с Даниилом Черным перешел в Андроников монастырь, где «также подписанием украсиша» новый собор «последнее рукописание на память себе оставиша». ¹² Однако все же с гипотезой И. Э. Грабаря трудно согласиться. В самом тексте жития Сергия речь идет лишь о двух лицах — андрониковском игумене Александре и об Андрее Рублеве. Почему же в миниатюре появилось имя Ефрема?

Андроников монастырь, второй по значению после Троице-Сергиева, был почитаем «от великодержавных князей»; при игумене Савве «умножися стадо его добродетельных мужей и великих честных, от них же мнози и произведени быша в честная места на игуменьства ови ж на епископства». ¹³ Далее в житии мы находим описание посмертного «чуда» от гроба игумена Саввы, когда один из монахов Ефрем получил исцеление «от блудного беса». Это был не обычный монах, но «един от ученик его, его же мнози сведят в наша лета», т. е. какое-то значительное лицо, скрывшееся под монашеским именем Ефрема. Кто же был этот Ефрем? Ответ дает текст о посмертных «чудесах» Сергия, рассказывающий о постриге между 1445—1448 гг. «некоего от московских великих купец» Дмитрия Ермолина, отца знаменитого московского строителя второй половины XV в. Василия Дмитриевича Ермолина. Дмитрий решает постричься по примеру своего отца Ермолы, «нареченного во ангельском чину Ефрем», который ушел в монастырь, презрев свое «толикое богатство» и интересы многочисленных сыновей. ¹⁴ Ермола постригся в Троицком монастыре при игумене Никоне (т. е. до 1426 г.), вероятно, еще в начале XV в. и, видимо, потом перешел в Андроников монастырь. Очень возможно, что на средства и при участии этого богатейшего представителя купеческой «династии» Ермолиных, ¹⁵ Ермолы-Ефрема, и был построен Андроников собор, о чем помнили еще в XVI в., что и нашло отражение в упоминании его имени в исполненных в это время миниатюрах. Возможно, что само лицевое житие было переписано и иллюстрировано в Андрониковом монастыре. Судя по тому, что сын Ермолы Дмитрий был весьма образованным человеком — умел «глаголати русски, гречески, половецки (т. е. по-татарски)», ¹⁶ — Ермола-Ефрем был также просвещенным человеком и мог оказать влияние и на самый замысел храма, построенного на его средства. Как Ермола-Ефрем, страдавший от «блудного беса», так и его сын Дмитрий, препиравшийся с троицким игуменом Мартемьяном по поводу скудной монашеской еды, так как он «возрастох во своих домах, не таковыми снедями питающися», ¹⁷ были явно далеки от идеалов монашеского аскетизма, подобно тому как знаменитый художник конца XV в. Дионисий был вполне мирским человеком. ¹⁸ Возможно, что это в какой-то мере определило образ храма, поражающего своеобразием и смелостью своей бурной динамической композиции.

¹² Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865, стр. 9—11; Ф. И. Буслаев. Исторические очерки... т. II, стр. 379; М. В. Толстой. Книга, глаголемая о российских святых... М., 1888, стр. 71

¹³ ГБЛ, Музейное собр., № 8663, л. 227 об.

¹⁴ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского, отд. II, стр. 159.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 110.

¹⁶ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского, отд. II, стр. 163.

¹⁷ Там же, стр. 161.

¹⁸ В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 494—495.